

Більше того, незважаючи на певне обнадіювання екуменістів у скорому примиренні і об'єднанні християнства, екуменізм так і не випрацював скільки-небудь чіткої і переконливої моделі того, якою мусить стати Церква майбутнього, в якій будуть подолані всі розколи другого тисячоліття християнської ери. Якщо прихильники екуменізму вважають, що створюючи „нове християнство” в такий спосіб буде скасоване міжконфесійне протистояння, то вони глибоко помиляються. Істинне об'єднання християн не може і не повинне спотворювати в будь-який спосіб саму християнську ідею. Екуменізм – це передусім боротьба за повернення чистоти віри, повернення моральних засад в життя християнського суспільства, повернення людини через віру надії в щасливе майбутнє, а не жалюгідне загравання з іншими релігіями, з надією віднайти в їхніх віровченнях і традиціях для себе нові ідейні костилі.

Зважаючи на те, що загалом християнство ХХ ст. відзначають дві крайнощі – модерністська гуманізація релігії Євангелій і євангелічне її обоження, то, певно що, гармонію треба вбачати у віднайдені рівноваги між ними. А це можливо зробити виключно на основі оцінювання цих двох тенденцій у контексті Нового Завіту як єдиного критерію і мірила, що визнається всіма віруючими. Іншими словами, екуменізм можливий, але уможливлення його залежить від того, який зміст вкладається в нього. Якщо він загрожує християнству смертю, то навряд чи буде перейматися ним весь християнський світ.

Як на нас, доки всі, без винятку, християни не усвідомлять, що доля людства з часом все більше буде залежати від єдності землян, що вузькоконфесійна зацикленість християнства стоїть на заваді консолідації всіх людей, що плідне відродження християнської як загальнолюдської моралі в суспільстві можливе спільними зусиллями, що чвари між християнами, говорячи тут мовою християн, не грають на користь євангелізації світу і „спасіння” людей, доти ідея єдиного християнства буде нездійсненною. Так, мова може йти не про „оцерковлення”, а тільки про істинну євангелізацію суспільства, яка мусить передбачати не нав'язування тій чи іншій людині думки про істинність якоїсь однієї конфесії, а про культивування в ній образу і подоби Бога, про орієнтацію її до віднаходження в християнстві для себе нові смисли життя, усвідомлення значимості себе як особистості, того, що вона виступає не лише знавцем і носієм вищої істини буття, а й засобом реалізації у світі чогось більш цінного. І це тим більше важливо робити саме зараз, коли техногенна цивілізація вибиває з людини все людське, знищує її віру саму в себе, нищить її як особистість, усвідомлення її творчої ролі у світі в якості вінця Божого творива.

Проте допоки що на сучасному рівні науково-технічного і демографічного розвитку взаємовідносин різних суспільств, народів, держав між собою, як і до цього в історії, ідея консолідації людства, як поруч і сама ідея єдності християнства, є нездійсненною мрією. Подальше буття людства, швидше за все, буде продовжувати протікати у формі розділяючи світоглядів, які напевно що таки приведуть колись до загального знищення, гибелі цивілізації взагалі, а може і всього живого на Землі [Гусейнов А. Золотое правило нравственности.- М., 1988.- С. 238].

В.Шадрин* (Севастополь, Україна)

РЕЛИГИОЗНОЕ: ОСНОВАНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЕ

Современное неоднозначное и часто небезопасное проявление человеческой религиозности привлекает внимание исследователей к изучению ее коренных сущностных свойств. Рассмотрение религиозности неминуемо ведет к размышлению над понятием «религия». К сожалению, в последнее время это понятие достаточно часто определяется как «восстанавливаемая связь», «восстановление связи» или просто «связь». Основной упор делается на латинское *ligo* как связь и частицу *ge* – как нечто воспроизводящее, восстанавливающее, возвратное. Вероятно, что такой подход более всего продиктован

* Викладач Севастопольського державного технічного університету.

ощущением современной общественной направленности к возрождению религиозности, но подобное толкование понятия «религия» крайне неудачно сочетается с действительностью латинского языка.

Латинское *ligo* являет собой глагол, означающий связывать, обвязывать, сдавливать, сковывать и даже запрягать. С частицей *ge* эти значения обретают не только «примыкающий» характер (связывать, привязывать сзади), но и прямо противоположный связыванию (*ge-ligo* как развязывание и снятие). Такое смыслоддержание возможно и отражает современное стремление «вдавиться» в религиозность тем же путем, которым некогда наше общество из религиозности «выдавилось», но к сущностным характеристикам религии оно имеет весьма далекое отношение. Кроме того, «связывающее, сковывающее» *ligo* – глагол (означающий, как и любой глагол, действие) и не может означать состояния или предметности (каковой является религия). *Ligo*, существующее в латинском языке как существительное, означающее мотыгу (а в переносном смысле – земледелие), явно не может находиться в русле настоящего рассмотрения.

Religo является точно установленным элементом словообразования *religio* и может служить лишь лингвистическим подтверждением особой «ввязанности» *religio* в человека. Если принять во внимание, что *religo* является словообразовательным элементом и для *religamen* – связь, и для *religatio* – привязывание, подвязывание, то со всей очевидностью *religo* предстает как любое и всякое тесное неотрывное присоединение чего-нибудь к чему-либо.

Принимая во внимание тот факт, что религия – это не порядок взаимодействия между людьми, а состояние ума и души человека, определяющее этот порядок, следует отметить, что такое состояние описывается латинским *religio* и его производными. *Religio* вбирает в себя всю совокупность мироотношения, проистекающего из изначального человеческого стремления и возможности невысказанно утвердить себя в бытии. Так, у Цицерона *religio* – совестливость, добросовестность, благочестие, благоговение, набожность, религия (как культ богов), богослужение (то же и у Петрония), святость (у Тацита – с оттенком сокровенности) и святыня, священный предмет. Вместе с тем, *religio* включает в себя и преступление против совести (Цицерон), грех, вину (Тит Ливий), суеверие (Цезарь и Лукреций), сомнение, недоумение, опасение, неуверенность, раздумье, осмотрительность (Апулей). Неизвестный автор употребляет *religio* как вещий знак, знамение [*Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1998.*].

Открывающиеся здесь противоречивость и разрозненность являются противоречивостью и разрозненностью только на первый взгляд. В совокупности всех значений *religio* человек предстает в своей обычной отнесенности к освоению, осмыслению бытия и своего места в нем. Вся гносеологическая «страдательность» этого процесса очевидна – *сомнение, недоумение, опасение, неуверенность, раздумье*. И такая «страдательность» характеризует собой любой акт человеческого познания. Выход из «страдательности» обеспечивается различными способами, но, в случае *особой значимости* результата познания, этот выход должен обеспечивать *особую закрепленность* такого результата. Принципиальная невозможность приобрести убежденность в том, что истина не ускользает и постигается наилучшим образом, породила особую форму закрепленности и охраны результата познания его сакрализацией, т.е. *святостью* во всей ее неприкасаемой *сокровенности*. Именно *святость*, являющаяся внешним проявлением первоосновного *сокровенного*, общесвязующа для всех значений *religio*. Она же порождает входящие в *religio* обслуживающие ее духовные формы (*совестливость, добросовестность, благочестие, благоговение, набожность*), формы прикладного ее проявления (*религия* как культ богов, *богослужение, суеверие*) и объявления (*святыня, священный предмет, вещий знак, знамение*), прикладные же формы собственной охраны (*преступление против совести, грех, вина, осмотрительность*).

Показательно, что разнообразие смыслодержаний, присущих *religio* и отражающих в языке его многогранность, устойчиво употребляется древними авторами уже во времена, отличающиеся кризисной неустойчивостью вероучительных систем – буйное и пышное политеистическое язычество стремительно несется к своей агонии, а малораспространенный монотеизм остается еще чем-то экзотическим. В последующие

устойчивые монотеистические времена эти смылосодержания не претерпевают каких-либо существенных изменений и остаются неизменными и поныне. Это само по себе свидетельствует о том, что *религия, религиозность* в своем сущностном проявлении шире, чем любая организационная, вероучительная, этническая, политическая, *вообще любая* прикладная форма ее проявления. Ярким подтверждением этому служит и практика современности, в которой *христианство стало фактическим политеизмом*, а религиозность никак не изменила своих сущностных характеристик.

В самом деле: о чем, как не о политеизме, может свидетельствовать наличие *разных христиан*, различаемых католицизмом и православием (в котором только признанных автокефалий - пятнадцать), англиканством, лютеранством, евангелизмом, иеговизмом, мормонством, адвентизмом, пятидесятничеством, греко-католицизмом, различным «харизматизмом», принадлежностью не к Богу, а к тому или иному патриархату, при том, что этот перечень «различений» далеко не полный? Если прибавить сюда «фанклубы» и «фестивали» Иисуса, особо охраняемые от других «христиан» и «нехристей», и цензурируемые «места» в Интернете, а также одесское общество «Евреи за Иисуса Христа», - то картина в христианстве получается более чем пестрая.

Единобожие – это и единородственность и единочувствование, единовидение Бога, а отсюда – и Его единославие. В основе же упомянутых различий – разнославие, характеризующееся утверждением истинности «своего видения Бога», что, по сути, является видением уже разных богов, по какому-то недоразумению носящих пока еще схожее имя. Здесь следует вспомнить, что для мусульман христианство всегда носило языческий оттенок из-за триединства христианского Бога.

Не спасает первый стих Шма – «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть...» (Втор. 6:4) – от «ортодоксо-реформистско-консервативной трещины» (в Украине в основном носящей название «прогрессивный иудаизм») и основателя авраамистского монотеизма – иудаизм. Можно обнаружить в нем и менее масштабную (но не менее болезненную) трещину - малочисленную религиозную антисиионистскую партию Наторей Карта («Стражи города»). Удивительно, но все это ведет к тому, что разнославной становится *непроизносимость* – непроизносимость имени Б-га.

Однако, вся представленная разноплановость форм прикладного проявления религии, должная, казалось бы, вызвать ее не случившееся крушение, указывает на то, что религия коренится не в этих формах, а в самом человеке. Формы эти, при всей их декларируемой трансцендентности, по своей сути состоят в мире вещей, предельной характеристикой которых является полезность – качество сколь очевидное, столь и утилитарное. *Религия* же, в своей *сакральной сокровенности*, «переступает черту, отделяющую мир вещей, сущность которых сокрыта от человека, для коего они суть *ничто*, о которых он судит лишь на основании чисто внешних проявлений, от мира, воспринимаемого человеком во всей его имманентности, *интимной близости* и понятности» [См.: Батай Ж. *Теория религии // Теория религии. – Минск, 2000. – С. 43-44*].

У результата этого наблюдения есть ряд практических применений. Очевидной является малопродуктивность работы с внешними формами проявления религиозного. В наличном плане представляется, мягко говоря, неосмотрительным стремление связывать с верованиями, религиозными организациями долгосрочные планы укрепления государственности, консолидации общества, национальной идентификации и т.п.

Обществу и государству следует соблюдать особую тонкость и жесткую разумную ограничительность в вопросах свободы распространения вероучений. Если для обычного человеческого *интимного переживания бытия* любое постороннее вмешательство крайне нежелательно, то при навязывание любыми способами истин своей веры одними людьми другим людям общественное вмешательство позволительно и часто необходимо. Такой подход обусловлен тем, что истины веры являются интимно выпестованными проявлениями базовых человеческих чувств, разумный контроль над которыми, в условиях их насилования, труден и даже невозможен.

Впрочем, действительно универсальные рекомендации «на все случаи жизни» рождаются редко. Наверное, всегда стоит помнить мысль неизвестного раввина о том, что пятым томом «Шулхан аруха» является здравый смысл!